

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА
МАНИПУЛЯЦИЙ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДНЫХ СКАЗОК)**

Аннотация.

Актуальность и цели. Феномен межличностной манипуляции получил достаточно широкое освещение в научной литературе в последние десятилетия. Однако при изучении речевого манипулирования как в рамках межличностной коммуникации (М. Р. Битянова, В. Н. Куницына, Д. Майерс и др.), так и массовой коммуникации (С. Г. Кара-Мурза, Г. Г. Почепцов, Г. Шиллер и др.) собственно языковая личность субъекта манипуляции не получила достаточного внимания. Более детального рассмотрения требует оппозиция *субъект – объект* манипуляции, включая используемый ими лингвистический арсенал средств манипулирования. В статье поставлена задача – сопоставить речевое поведение участников манипулятивного акта, являющихся представителями различных лингвокультур.

Материалы и методы. Материалом для анализа послужили контексты русских и английских народных сказок, содержащие вербально оформленный манипулятивный акт. В работе использованы контекстуальный и стилистический анализ, описательный и сопоставительный методы.

Результаты. Приводится сопоставительный анализ высказываний субъекта и объекта манипулятивного воздействия на материале английских и русских народных сказок. Выявлены особенности синтаксического функционирования реплик и составляющих их элементов, характеризующих речевое поведение языковой личности субъекта и объекта манипуляций.

Выводы. Речевое поведение языковой личности как субъекта, так и объекта манипуляции находит своё наиболее полное отражение в синтаксическом аспекте функционирования языка. Структурные различия в построении высказываний продиктованы лингвистическими особенностями синтаксической организации сравниваемых языков, что в определённой степени объясняется культурологическими расхождениями.

Ключевые слова: языковая личность, манипулятивное воздействие, народная сказка, высказывание, синтаксическая организация.

S. O. Gulyaykina

**LANGUAGE PERSONALITY OF THE SUBJECT AND OBJECT
OF MANIPULATIVE ACTS: SYNTACTIC ASPECT
(BASED ON CROSS-CULTURAL RESEARCH OF FOLK TALES)**

Abstract.

Background. A phenomenon of interpersonal manipulation has been greatly discussed among the scientists lately. The language personality of the speaker being the subject of verbal manipulations is still the matter of concern, as it is not fully studied in interpersonal communication (M. R. Bityanova, V. N. Kunitsina, D. Myers) or mass communication (S. G. Kara-Murza, G. G. Pocheptsov, G. Shiller). The *subject – object* opposition in a manipulative act is also to be studied more thoroughly with regard to the linguistic set of manipulative means used by the speakers. The purpose

of the paper is to compare the verbal behavior of the manipulative act participants, being representatives of different linguistic cultures.

Materials and methods. Russian and English folk tales' contexts containing verbal manipulative acts are the material for the linguistic analysis. The contextual and stylistic analyses as well as the comparative method are used in the research.

Results. The article presents the comparative analysis of the subject's and object's statements constructing manipulative influence of contexts cited from English and Russian folk tales. The author studied the peculiarities of syntactic functioning of the statements and their elements demonstrating the verbal behavior of the language personality.

Conclusions. The verbal behavior of the language personality presented by the subject-speaker and object-speaker in manipulations is best realized in syntactic functioning of the language. Structural differences in the statement construction are conditioned by the linguistic peculiarities of the compared languages' syntax which is to a certain degree determined by the cultural particularities.

Key words: language personality, manipulative influence, folk tale, statement, syntactic organization.

Введение

Постоянно растущий темп передачи информации в процессе межличностного общения всё чаще обнаруживает негативную, на наш взгляд, тенденцию невнимания к собственно личности собеседника. Отсутствие обратной связи в общении двух людей подчас не является сигналом о несостоявшемся акте коммуникации. Казалось бы, при таком стиле общения нет места межличностным манипуляциям, представляющим собой особый вид психологического воздействия, при котором манипулируемый (объект манипуляции) неосознанно принимает и выполняет навязанные ему манипулятором (субъектом манипуляции) действия, поступки, поведение и т.д. Между тем феномен манипулирования, реализуемый в процессе общения и уже не одно десятилетие являющийся объектом внимания учёных, продолжает своё успешное существование. Возможно, успех манипуляции кроется не столько в умении манипулятора подбирать «нужные» слова, сколько в его способности быть эффективной языковой личностью? Эффективной настолько, что объект реализуемой манипуляции слепо, без малейшего сопротивления выполняет то, что необходимо субъекту воздействия? В статье автор планирует рассмотреть, какими лингвистическими приёмами (полагаем, что среди них будет выявлен не только особый подбор средств лексического языкового уровня) пользуется субъект манипуляций с целью удержания внимания и последующего оказания психологического воздействия на реципиента и каким образом это отражается на речевом поведении объекта манипулирования.

1. Предпосылки исследования языковой личности персонажей сказок

Под языковой личностью, вслед за А. В. Пузырёвым [1], нами понимается прежде всего реально существующий человек, создающий в процессе общения уникально-неповторимый коммуникативный акт. По словам Т. Ю. Тамерьян, «...языковая личность познаёт, отображает, оценивает и информирует о конкретном фрагменте реальной действительности. В понятие языковой личности включается не только языковая компетенция и определённые знания, но и интеллектуальная способность создавать новые знания на основе

накопленных с целью мотивации своих действий и действий других языковых личностей» [2, с. 60].

Понятия *языковая личность* и *речевое поведение*, на наш взгляд, неразрывно связаны и являются рабочими понятиями в данном исследовании. Нам импонирует следующее определение *речевого поведения*, предложенное Н. В. Варнавских, – это «специфический набор речевых навыков или речевых привычек, который проявляется на неосознаваемом уровне в привычном выборе грамматических и лексических средств» [3, с. 112]. Привычный выбор речевых средств формируется говорящим на основе его личного опыта. Несмотря на своеобразие каждой языковой личности, все они имеют ряд общих черт, среди которых Н. В. Варнавских выделяет: наличие скрытого воздействия на получателя информации, актуализацию национальной специфики, неосознанный выбор речевых сигналов, свидетельствующих о неповторимых личностных качествах.

Соглашаясь с мыслью Т. Г. Винокур, отметим, что речевое поведение – это «совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [4, с. 12].

Материалом проводимого исследования послужили контексты народных сказок из сборников А. Н. Афанасьева [5–7], А. Уильямса-Эллиса [8, 9] и Дж. Ривса [10], содержащие манипулятивно окрашенные коммуникативные акты. Жанр сказки, на первый взгляд, представляется неприменимым для изучения феномена манипулирования. Однако именно в сказках мы находим дошедшие до нас из глубины веков примеры межличностного манипулирования – не столь массового характера, о котором принято говорить сегодня, а более практичного – манипуляции семейно-бытового плана. Поскольку ряд учёных, например В. Я. Пропп [11], Б. Н. Путилов [12], К. В. Чистяков [13] и др., характеризуют *сказку* как одно из наиболее ярких фольклорных произведений, отражающее мировоззренческое кредо народа, являющееся формой выражения его самосознания и представляющее собой миниатюрный образец той или иной культуры, то считаем возможным провести определённые проекции с языковой личности сказочного персонажа-манипулятора на современного мастера манипуляций, которого вполне возможно встретить как в быту, так и в профессиональной сфере, в СМИ или на мировой политической арене.

Предметом исследования являются единицы синтаксического уровня языка в силу того, что именно данные языковые единицы обладают смысловой законченностью, целостностью и относительной самостоятельностью [14, с. 39–43]. Лингвистами и психолингвистами неоднократно подчёркивалась воздействующая сила слова, единицы лексического языкового уровня. Действительно, в сравнении с морфемами и фонемами слово обладает определённой законченностью и самостоятельностью, однако его полное значение, заключающее в себе воздействующий потенциал, раскрывается лишь в контексте. Контекстом слова является предложение, а в нашем случае – высказывание субъекта (или объекта) манипуляции. Разграничивая понятия *предложение* и *высказывание* на уровнях языка и речи, О. Б. Сиротинина отмечает: «Все синтаксические единицы в конкретном употреблении являются речевыми и представлены множеством своих реализаций. К языку имеют от-

ношение типы, модели этих реализаций». И далее: «Все реальные предложения употребляются в составе какого-то текста и включаются в ещё более сложные текстовые единицы... Предложение как элементарная текстовая единица образует высказывание...» [15, с. 7].

Исследуя функционирование синтаксических единиц в манипулятивных контекстах английских и русских народных сказок, мы рассматриваем высказывания как субъектов, так и объектов манипуляции, поскольку именно в ответе-реакции манипулируемого чаще всего содержится доказательство успешного проведения манипулятивного акта.

Таким образом, в качестве гипотезы предположим следующее: языковая личность манипулятора, в сравнении с объектом манипуляций, демонстрирует более эффективное речевое поведение с целью оказания необходимого ей воздействия на собеседника; причём англоговорящие участники манипуляций более сдержаны в выборе синтаксических средств речевоздействующего характера в силу более строгой грамматической организации языка.

2. Синтаксический аспект функционирования реплик-высказываний субъекта и объекта манипуляций

Лингвистическому анализу были подвергнуты все синтаксические единицы, образующие речевой контекст манипулятивно окрашенной ситуации. Корпус анализируемого материала составил 1072 реплики субъектов и объектов манипуляций в английских народных сказках и 1169 – в русских. Предложения-высказывания были классифицированы по следующим критериям: по цели высказывания, по интонации, по структуре, по отношению к действительности, по количеству главных компонентов, по представленности главных компонентов, по типам связи простых предложений-высказываний внутри сложного, по наличию недостатка/избытка компонентов и по размещению компонентов. Остановимся подробнее на некоторых из них.

При рассмотрении интонационного критерия (восклицательные – невосклицательные высказывания) была обнаружена интересная, на наш взгляд, тенденция. Как англоязычный, так и русскоязычный объект манипуляций прибегает к использованию восклицательных, ненейтральных по интонации, высказываний чаще, чем субъект воздействия. Причём русскоговорящий получатель сообщения использует их почти в три раза больше, чем его англоговорящий «коллега». Проанализированные числовые данные материала отражены в табл. 1, где СМ – субъект манипуляции, ОМ – объект манипуляции.

Таблица 1

Типы высказываний по интонации

Язык	Отправитель	Всего высказываний		Восклицательные		Невосклицательные (нейтральные)	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	620	100	69	11	551	89
	ОМ	452	100	61	13,5	391	86,5
Итого		1072	100	130	12	942	88
Русский	СМ	705	100	208	29,5	497	70,5
	ОМ	464	100	165	35,6	299	64,4
Итого		1169	100	373	32,5	796	67,5

В среднем общее количество восклицательных высказываний, употреблённых персонажами русских народных сказок, в 2,7 раза выше, чем у героев английских сказок. Приведём несколько примеров ответных реплик-реакций героев сказок на манипулятивное воздействие:

«Не плачь, зайчик!» (из сказки «Лиса, заяц и петух»);

«Вот как, пусти-ка, я тебя научу!» (из сказки «Баба-яга и Жихарь»);

«Это что за служба!» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»);

«Экой невера!» (из сказки «Вороватый мужик»);

«Oh! now, don't say that; it is too horrible! What shall I do? / Ох, молчи, это слишком ужасно! Что мне делать?» (из сказки «The Three Green Men of Glen Nevis / Три маленьких зелёных человечка из Глен Невиса» (здесь и далее перевод с английского мой – С. Г.);

«Ah! / Ах!» (из сказки «Habitrot / Хабитрот»);

«Dear me! / Чёрт возьми!» (из сказки «Jack Hannaford / Джек Хэннефорд»);

«Oh me! Let me see it! / Боже! Дай посмотреть!» (из сказки «Princess of Canterbury / Принцесса из Кэнтенберри»).

Среди наиболее часто встречаемых высказываний объекта манипуляции выделим междометные предложения и побудительные (императивные) высказывания. Изобилие междометий, выражающих различные чувства, эмоциональное состояние, призыв, свидетельствуют, по нашему убеждению, о возбуждённом состоянии коммуниканта, о преобладании эмоций и чувств над разумом, т.е. о состоянии некоторого психического дисбаланса, мешающем объекту-собеседнику адекватно разобраться в ситуации. Использование императивных высказываний в свою очередь говорит о принятии человеком самостоятельного (как ему кажется) решения и намерении действовать по предложенной манипулятором схеме.

По-видимому, более частое использование восклицательных высказываний именно объектом, а не субъектом манипуляции доказывает успех проведённого манипулятивного воздействия: приведение объекта в состояние психической дисгармонии, повышенной возбудимости приводит к полному и активному принятию предлагаемых манипулятором действий.

При разграничении высказываний по отношению к действительности (утвердительные – отрицательные) в основу был положен следующий критерий: если формальных показаний отрицания нет, предложение следует квалифицировать как утвердительное. Следовательно, несобственно-утвердительным считаем такое высказывание, которое содержит не утверждение, а отрицание, при этом отрицание предполагается не структурой предложения, а его семантическим наполнением. И наоборот: несобственно-отрицательным является такое высказывание, в составе которого присутствуют отрицательные слова или частицы, но с точки зрения семантики оно представляет собой утверждение.

Согласно данным табл. 2, количество высказываний, употребляемых субъектом манипуляции в несобственном значении, несколько выше, чем у манипулируемого объекта в английских народных сказках и значительно выше у русскоязычного субъекта манипуляции по отношению к объекту.

Таблица 2

Типы простых предложений-высказываний
по отношению к действительности

Язык	Отправитель	Всего простых предложений		Утвердительные						Отрицательные					
				+		-		Всего		+		-		Всего	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	329	100	280	85	11	3	291	88	33	10	5	2	38	12
	ОМ	251	100	221	88	4	2	225	90	26	10	–	–	26	10
Итого		580	100	501	86	15	3	516	89	59	10	5	1	64	11
Русский	СМ	409	100	223	54,5	65	16	288	70,5	102	25	19	4,5	121	29,5
	ОМ	364	100	280	72	15	4	275	76	81	22	8	2	89	24
Итого		773	100	483	62,5	80	10	563	72,5	183	24	27	3,5	210	27,5

Случаи употребления англоговорящим субъектом манипуляции высказываний в несобственном синтаксическом значении довольно редки: 3 % несобственно-утвердительных, например: *And don't you have anything else but bou-meat? No pudding? / Вы только мальчиков едите? А пудинг, например? (из сказки «Mr. Miacca / Мистер Муакка»);* 2 % несобственно-отрицательных, например: *Why do you blame Adam? You'd ha' done just like Adam, if you'd a-been in his place / Зачем винить Адама? Ты бы сделал то же самое, будь ты на его месте (из сказки «A Son of Adam / Адамов сын»).*

В русских народных сказках персонаж-манипулятор представляется нам более искусным (сравнительно с персонажем английской сказки) в плане речевого умения «маскировки» интенций, предназначенных для осуществления собеседником. Он в четыре раза чаще, чем объект манипуляции, прибегает к использованию несобственно-утвердительных высказываний и в 2,3 раза – несобственно-отрицательных. Рассмотрим примеры манипулятивных транспозиционных реплик в русских народных сказках:

1) несобственно-утвердительные:

«Да разве ты одну голову прятал в мешок?» (из сказки «Старая хлеб-соль забывается»);

«Вишь прыткий! Ну, где тебе перегнать меня?» (из сказки «Иванко Медведко»);

«Что тебе и говорить!» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»);

2) несобственно-отрицательные:

«Я за неё [индюшечку] не возьму и невесточку!» (из сказки «Лисичка-сестричка и волк»);

«Как мне не плакать?» (из сказки «Лиса, заяц и петух»);

«Ведь ты моему горю не пособишь?» (из сказки «Морской царь и Василиса Премудрая»).

По-видимому, использование непрямых значений в высказываниях способствует «вуалированию» истинного содержания реплики, введению со-

беседника «в сторону» от нежелательного вопроса/замечания и т.п., что является эффективным лингвистическим приёмом в практике речевых манипуляций. По нашему мнению, столь значительные числовые расхождения в употреблении высказываний в несобственном значении в сравниваемых языках заключаются в грамматико-структурных особенностях языков. Относительно свободный порядок слов и размещения компонентов в русском языке создаёт возможность более частого употребления эмфатических высказываний. В несобственно-синтаксическом значении могут выступать как двусоставные, так и односоставные предложения. В то же самое время строгий (прямой) порядок слов в английском предложении ограничивает возможности столь свободного размещения слов и других компонентов в предложении.

Сопоставляя простые и сложные высказывания по наличию недостатка или избытка компонентов, мы исходили из предположения, что субъект манипуляции в большей степени тяготеет к использованию синтаксических конструкций, осложнённых относительно большим количеством компонентов, или, наоборот, использует высказывания с явным недостатком структурных компонентов предложения.

Употребление усложнённых, «перегруженных» различными видами дополнений, уточнений, обособлений и т.п. синтаксических конструкций в речи субъекта манипуляции, на наш взгляд, имеет целью отвлечь внимание собеседника от ядра высказывания на менее важные, но интенсивно навязываемые детали сообщения. Объект манипуляции, отвлекаясь на «обработку» предложенного объёма несущественной информации, не замечает насаждаемой ему интенции манипулятора и в результате выполняет требуемые от него действия. Согласно данным табл. 3, к подобному типу построения высказываний чаще всего прибегает англоговорящий субъект манипуляции (40 % от общего количества высказываний).

Таблица 3

Состав простых и сложных высказываний
по недостатку/избытку компонентов

Язык	Отправитель	Всего высказываний		Высказывания с недостатком компонентов		Высказывания с избытком компонентов		Высказывания с недостатком и избытком компонентов		Норма	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Английский	СМ	620	100	135	22	248	40	74	12	163	26
	ОМ	452	100	84	19	123	27	36	8	209	46
Итого		1072	100	219	20	371	35	110	10	372	35
Русский	СМ	705	100	302	43	67	9,5	237	33,5	99	14
	ОМ	464	100	225	49	51	11	122	26	66	14
Итого		1169	100	527	45	118	10	359	31	165	14

В отличие от англоговорящего манипулятора, русскоязычный субъект манипуляции склонен к использованию высказываний, в составе которых на-

блюдается недостаток синтаксических компонентов. По-видимому, русскоговорящий организатор манипулятивного воздействия гораздо чаще (в сравнении с англоговорящим) предоставляет собеседнику возможность «додумать» услышанное и принять самостоятельное решение. Примечателен тот факт, что сам объект манипуляции в русских народных сказках также в большей степени склонен к использованию высказываний с недостатком компонентов в своём составе. Скорее всего объяснение частоты подобных употреблений (субъект манипуляции – 43 %, объект манипуляции – 49 %) кроется в грамматическом строе русского языка, позволяющем (в отличие от английского) опускать в речи как главные, так и второстепенные члены предложения. Приведём в качестве примера следующий диалог лисы и волка:

«Взаправду, кум, твой?» – «Верно, мой!» – «Побожись?» – «Побожусь!» – «К присяге пойдешь?» – «Пойду». – «Ну, иди, целуй присягу». Тут лиса сметала, что мужики на тропинке поставили капкан; она привела бирюка к самому капкану и говорит: «Ну, вот здесь целуй!» Только что сунулся бирюк сдуру – а капкан щелкнул и ухватил его за морду. Лиса с овцой тотчас убежали от него подобру-поздорову» (из сказки «Овца, лиса и волк»).

Сравним компонентный состав английских предложений в следующем эпизоде (второстепенные члены предложения с распространяющими их конструкциями подчеркнуты):

«Molly says: “I would put you into a sack, and I’d put the cat inside wi’ you, and the dog aside you, and a needle and thread and shears, and I’d hang you up upon the wall, and I’d go to the wood, and choose the thickest stick I could get, and I would come home, and take you down, and bang you till you were dead.”

“Well, Molly, says the giant, I’ll just do that to you.”» (from “Molly Whipple”).

«Молли отвечает: «Я бы посадила тебя в мешок, сунула бы туда к тебе кошку, а ещё собаку, ещё иголку, и нитки, и ножницы; потом подвесила бы тебя на стену, а сама пошла бы в лес за палкой – за толстой-претолстой, какую бы только смогла найти. А потом я пришла бы домой, сняла мешок со стены и колотила бы тебя, пока бы ты дух не испустил».

«Ну, что ж, Молли, – сказал великан, – так я с тобой и обойдусь!» (из сказки «Молли Виппл»).

В целом англоговорящие участники манипуляции в большей степени сохраняют традиционное построение предложений-высказываний. Правила английской грамматики таковы, что повелительным оказывается формулирование высказываний с избытком, но не с недостатком компонентов. Возможно, аналогичные случаи сопоставительного анализа позволили С. Г. Тер-Минасовой сделать вывод о том, что «сопоставление двух языков отчётливо демонстрирует подчеркнутую вежливость, заботливое, чуткое отношение к человеку со стороны английского языка...» [16, с. 294]. Правила построения русских синтаксических конструкций в свою очередь более свободны, что приводит к довольно частому использованию, на первый взгляд, упрощённых, но семантически более ёмких конструкций с недостатком компонентов.

Заключение

Полагаем, представленный фрагмент проведённого нами исследования доказывает не только наличие возможности осуществления манипулятивного воздействия на уровне языка, но и его успешную реализацию на уровне речи

и коммуникации. Речевое поведение языковой личности как субъекта, так и объекта манипуляции находит своё наиболее полное отражение в синтаксическом аспекте функционирования языка.

Обращаясь к гипотезе, выдвинутой нами в начале исследования, отметим, что действительно субъект манипуляции демонстрирует более искусное владение речевыми приёмами, характеризующимися как приёмы психологического воздействия, или управления людьми. Об этом свидетельствует более активное использование англоязычным и русскоязычным субъектами манипуляций высказываний, употреблённых в несобственном значении (а именно: несобственно-утвердительных и несобственно-отрицательных), а также наличие недостатка или избытка синтаксических компонентов в высказываниях. Предложения-высказывания с избытком компонентов в большей степени присущи англоговорящему субъекту манипулирования, а русскоязычный персонаж-манипулятор тяготеет к употреблению синтаксических конструкций с недостатком как главных, так и второстепенных членов предложения. На наш взгляд, данный факт вполне объясним структурными различиями сравниваемых языков: более строгая организация английского синтаксиса не позволяет говорящему относительно свободно, в сравнении с русским, опускать главные члены предложения, прямое дополнение и т.д.

Не всегда, однако, манипулирующий демонстрирует более ярко эмоционально-окрашенное речевое поведение с целью оказания воздействия на собеседника. Так, восклицательные высказывания более часто используются объектом, а не субъектом межличностных манипуляций, причём данная тенденция характерна для обоих языков. По-видимому, данный факт объясняется тем, что объект манипулирования, включившись в предлагаемую «игру», становится более эмоционально восприимчивым, что находит отражение в более частом употреблении в его речи стилистически и эмоционально окрашенных конструкций.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в синтаксическом плане речевое поведение языковой личности субъекта манипуляции представляется более эффективным по силе воздействия и более искусным относительно сокрытия истинных намерений. Стоит обратить внимание на тот факт, что эффективное речевое поведение языковой личности, оказывающей психологическое воздействие, не ограничивается использованием только тех лингвистических средств, которые были рассмотрены в данной статье. Субъект манипуляций может прибегнуть сразу к нескольким тактикам межличностного общения с целью расположения к себе манипулируемого. Следовательно, невнимание к личности говорящего, столь часто встречающееся в современном общении, может привести к выполнению тех действий, которые не только не были запланированы «невнимательным» к речи говорящего собеседником, но и в конечном итоге оказались ему психологически (а порой и материально) невыгодны.

Список литературы

1. **Пузырёв, А. В.** Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления / А. В. Пузырёв. – М. : Институт языкознания РАН ; Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1995. – 378 с.
2. **Тамерьян, Т. Ю.** Интеллектуальные характеристики языковой личности / Т. Ю. Тамерьян // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспек-

- ты : материалы 6-й Всерос. науч. конф. (Ульяновск, 17–20 мая 2006 г.) / отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М. : Институт языкознания РАН ; Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2006. – С. 59–63.
3. **Варнавских, Н. В.** Влияние профессиональной специфики и национальных особенностей на речевое поведение личности / Н. В. Варнавских // Язык и мышление: Психолингвистические и лингвистические аспекты : материалы 5-й Всерос. науч. конф. (Пенза, 11–14 мая 2005 г.) / отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М. : Институт языкознания РАН ; Пенза : ПГПУ имени В. Г. Белинского ; Администрация г. Пензы, 2005. – С. 112–115.
 4. **Винокур, Т. Г.** Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
 5. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. – М. : Наука, 1984. – Т. 1. – 512 с.
 6. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. – М. : Наука, 1985. – Т. 2. – 464 с.
 7. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. – М. : Наука, 1985. – Т. 3. – 496 с.
 8. *British Fairy Tales. Volume 1 / Retold by A. Williams-Ellis.* – Black, Glasgow, 1965. – 168 p.
 9. *More British Fairy Tales. Volume 2 / Retold by A. Williams-Ellis.* – Black, Glasgow, 1965. – 328 p.
 10. *Fairy Tales from England / Retold by J. Reeves ; illustrated by R. Fowler.* – Oxford University press, 1999. – 188 p.
 11. **Пропп, В. Я.** Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М., 2003. – 144 с.
 12. **Путилов, Б. Н.** Народные традиции и фольклор / Б. Н. Путилов. – М. : Наука, 1994. – 237 с.
 13. **Чистов, К. В.** Традиция и вариативность / К. В. Чистов // Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. – М. : ОГИ, 2005. – С. 105–123.
 14. **Гуляйкина, С. О.** Вариативность/инвариантность в речевых манипуляциях персонажей сказок (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Гуляйкина С. О. – Ульяновск, 2007. – 166 с.
 15. **Сиротинина, О. Б.** Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. – М. : Высшая школа, 1980. – 134 с.
 16. **Тер-Минасова, С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – 2-е изд., дораб. – М. : Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

References

1. Puzyrev A. V. *Anagrammy kak yavlenie yazyka: Opyt sistemnogo osmysleniya* [Anagrams as a language phenomenon: the experience of system understanding]. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN; Penza: PGPU im. V. G. Belinskogo, 1995, 378 p.
2. Tamer'yan T. Yu. *Yazyk i myshlenie: Psikhologicheskii i lingvisticheskii aspekty: materialy 6-y Vseros. nauch. konf. (Ul'yanovsk, 17–20 maya 2006 g.)* [Language and thinking: psychological and linguistic aspects: proceedings of the 6th All-Russian scientific conference (Ulyanovsk, 17–20 May 2006)]. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN; Ul'yanovsk: Ul'yanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2006, pp. 59–63.
3. Varnavskikh N. V. *Yazyk i myshlenie: Psikholingvisticheskie i lingvisticheskie aspekty : materialy 5-y Vseros. nauch. konf. (Penza, 11–14 maya 2005 g.)* [Language and thinking: Psycholinguistic and linguistic aspects: proceedings the 5th All-Russian scientific conference (Penza, 11–14 May 2005)]. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN; Penza: PGPU imeni V. G. Belinskogo; Administratsiya g. Penzy, 2005, pp. 112–115.
4. Vinokur T. G. *Govoryashchii i slushayushchii: Varianty rechevogo povedeniya* [The speaker and the listener: Variants of verbal behaviour]. Moscow: Nauka, 1993, 172 p.
5. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t.* [Folk Russian tales by A. N. Afansyeva: in 3 volumes]. Moscow: Nauka, 1984, vol. 1, 512 p.
6. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t.* [Folk Russian tales by A. N. Afansyeva: in 3 volumes]. Moscow: Nauka, 1985, vol. 2, 464 p.

7. *Narodnye russkie skazki* A. N. Afanas'eva: v 3 t. [Folk Russian tales by A. N. Afansyeva: in 3 volumes]. Moscow: Nauka, 1985, vol. 3, 496 p.
8. *British Fairy Tales. Volume 1*. Retold by A. Williams-Ellis. Black, Glasgow, 1965, 168 p.
9. *More British Fairy Tales. Volume 2*. Retold by A. Williams-Ellis. Black, Glasgow, 1965, 328 p.
10. *Fairy Tales from England*. Retold by J. Reeves; illustrated by R. Fowler. Oxford University press, 1999, 188 p.
11. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of fairy tales]. Moscow, 2003, 144 p.
12. Putilov B. N. *Narodnye traditsii i fol'klor* [Folk traditions and art]. Moscow: Nauka, 1994, 237 p.
13. Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Traditsiya: sb. st.* [Folk art. Text. Traditions: collected papers]. Moscow: OGI, 2005, pp. 105–123.
14. Gulyaykina S. O. *Variativnost'/invariantnost' v rechevykh manipulyatsiyakh personazhey skazok (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov): dis. kand. filol. nauk* [Variability/invariability in verbal manipulative acts of tale characters (by the example of English and Russian languages)]. Ulyanovsk, 2007, 166 p.
15. Sirotnina O. B. *Lektsii po sintaksisu russkogo yazyka* [Lectures on syntax of the Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1980, 134 p.
16. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Izd-vo MGU, 2004, 352 p.

Гуляйкина Светлана Олеговна

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gulyaykina@list.ru

Gulyaykina Svetlana Olegovna

Canidate of philological sciences, associate
professor, sub-department of English
language, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 801.1, 801.7

Гуляйкина, С. О.

Языковая личность субъекта и объекта манипуляций: синтаксический аспект (на материале кросс-культурного исследования народных сказок) / С. О. Гуляйкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 146–156.